

Итак, в русской разговорной речи могилевской интеллигенции обнаруживаются некоторые белорусскоязычные фонетические черты. Выявление отклонений от литературных норм русского языка важно для повышения культуры русской разговорной речи в условиях русско-белорусского двуязычия.

¹ а^ч — обозначение звука среднего или ниже-среднего подъема нелабиализованного.

² См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы.— Мінск, 1984. С. 160.

³ Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1984. С. 107.

⁴ См.: Беларуская граматыка. Мінск, 1985. Ч. 1. С. 46—47.

⁵ См.: Выгонная Л. Т. Фонетические особенности русской речи в Белоруссии // Русский язык в Белоруссии. Минск, 1985. С. 151.

⁶ См.: Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Указ. раб. С. 148.

⁷ Выгонная Л. Т. Указ. раб. С. 136.

⁸ См.: Реформатский А. А. Слоговые согласные в русском языке // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 207.

⁹ См.: Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 12.

¹⁰ Русская разговорная речь: Фонетика... С. 54.

¹¹ Выгонная Л. Т. Указ. раб. С. 157.

¹² Знаком " отмечают главноударные слова во фразе; знаком ∪ — безударность слов.

Е. В. ЗАРЕЦКАЯ, М. Н. ПЕТРОВА, А. А. МЕТЛЮК
**РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ
РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ФРАЗ
ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ТЕМПА РЕЧИ**

В просодической системе языка объективно выделяется темпоральная подсистема, которая в свою очередь расчленяется на подсистемы темпа, паузации и темпоральных структур¹. Последняя входит в сложную систему ритма. Темпоральная подсистема плана выражения языка определяет идентичное для данной языковой общности употребление и восприятие ритмических структур и временную протяженность языковых единиц².

Минимальной единицей темпоральной подсистемы языка является длительность слога, формирующая более сложные интегративные единицы системы — временные структуры слов (ритмических тактов) и фраз. Длительность составляет просодический элемент слога как языковой единицы, выступает как квант, определяющий темп речи и служащий ее ритмизации. В абсолютных акустических значениях длительности различных типов слогов проявляются межъязыковые различия во временной организации речи.

В статье излагаются результаты экспериментально-фонетического исследования реорганизации временной структуры фразы при изменении темпа речи в двух близкородственных славянских языках — русском и белорусском. Материалом для проведения исследования послужили простые распространенные повествовательные и побудительные высказывания в произнесении двух носителей русского и двух носителей белорусского

лорусских фраз в ускоренном и замедленном темпах показал, что при одинаковом общем направлении изменения длительности — сокращении при ускорении темпа и увеличении при его замедлении — величина изменений имеет языковую специфику. В русском языке главноударный слог при ускорении темпа подвергается гораздо большей компрессии, чем в белорусском: он сокращается в среднем на 30 % в русских экспериментальных фразах по сравнению с 6 % в белорусских. При замедлении темпа степень удлинения главноударных слогов в белорусском языке также значительно больше, чем в русском: 36 % по сравнению с 7 %, причем значения эти довольно стабильны, о чем свидетельствует небольшой коэффициент вариации признака (10—17 %).

Длительность **полноударных неядерных слогов** сокращается в большей степени, чем длительность главноударных слогов фраз, однако и в данном случае величина компрессии в белорусских фразах гораздо меньше, чем в русских: если для русских фраз самыми типичными зонами являются значения в 31—50, то для белорусских эти значения лежат в пределах 15—30 %, т. е. почти в 2 раза меньше.

Еще большие различия между сравниваемыми языками выявляются при медленном темпе речи: в то время как длительность ударного слога в русских фразах увеличивается в среднем на 17, в белорусских она увеличивается на 72 %, при этом значения признака более стабильны, чем в русских фразах. В русских фразах в 30 % случаев не происходит удлинения слабовыделенного слога при медленном темпе речи; в белорусских фразах удлинения менее чем на 20 % практически не зафиксированы, а 20 % слогов увеличивается в 2 раза и более.

Сопоставление длительности первого **предударного слога** (I ПУС) в умеренном, быстром и медленном темпах показывает, что с ускорением темпа длительность слога сокращается в русском языке в среднем на 20 % при значительном разбросе значений, в белорусском языке в среднем на 11, т. е. сохраняется та же закономерность, что и в ударных слогах. На рис. 1 отчетливо видны зоны концентрации значений в обоих языках. Необходимо лишь отметить, что в белорусском языке почти в 1/4 всех первых предударных слогов при ускорении темпа речи компрессия не наступает, в то время как в русском языке она наблюдается последовательно. Аналогичная картина имеет место в компрессии второго предударного слога (II ПУС): в белорусском языке значения ниже, чем в русском (см. рис. 1).

При замедлении темпа речи длительность первого предударного слога в русском языке увеличивается примерно в той же степени, что и слабоударного, в среднем на 14 %. В белорусском языке значения аналогичного параметра лежат гораздо выше, в пределах 35—40, а 1/3 слогов удлиняется на 50 % и больше (см. рис. 2). Это же относится и к законо-

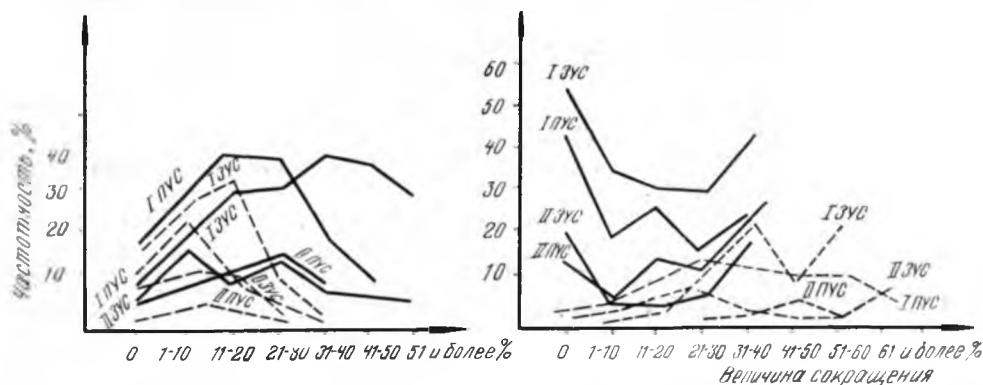

Рис. 1. Степень сокращения безударных слогов при ускорении темпа, %:

— русский язык;

мерностям изменения второго предударного слога, степень удлинения которого в белорусском языке больше (40—50 %), чем в русском (20—40 %). В то время как в русском языке в 1/3 случаев при замедлении темпа отсутствует всякое удлинение и первого и второго предударного слога, в белорусском языке удлинение фиксируется последовательно.

Ускорение темпа речи в разной степени затрагивает временную организацию **заударных** слогов. Длительность первого заударного слога (I ЗУС) в русском языке сокращается чаще всего в пределах 15—30 % (см. рис. 1) с большой зоной рассеивания значений; в белорусском языке зона концентрации значений выражена более отчетливо: 10—20 %, причем в обоих языках значительное число первых заударных слогов не сокращает свою длительность при ускорении темпа речи.

Компрессия **второго заударного слога** (II ЗУС) происходит в обоих языках аналогично: типичными величинами сокращения длительности являются 10—20 для белорусского и 10—35 % для русского языка; разброс значений признака в русском языке и в данном случае больше, чем в белорусском.

При замедлении темпа примерно 1/4 первых заударных слогов в русском языке не удлиняется; в белорусском языке удлинение наблюдается более чем в 95 % случаев. Около 1/5 первых заударных слогов в русском языке увеличивают свою длительность незначительно, на 5—10 %; 1/6 слогов удлиняется на 10—20, столько же — на 20—30 и около 1/3 — на 30 % и более (см. рис. 2).

В белорусском языке на данных слогах также наблюдается максимальный разброс значений, от 10 до 50 % и более. Максимум частотности приходится на 20—30 %, однако этот максимум выражен недостаточно отчетливо; значительная часть слогов удлиняется на 40—70 % и более.

Величина удлинения второго заударного слога в белорусском языке (15—30 %) меньше соответствующих значений в русском языке, где максимум частотности зафиксирован для значений выше 30 %. В целом заударные слоги изменяются в русском языке более активно, чем в белорусском.

Рассмотрение временных изменений, происходящих на отдельных участках фраз при ускорении и замедлении темпа речи в сравниваемых языках, позволяет заключить следующее.

При идентичном общем направлении изменения длительности с ускорением/замедлением темпа речи количественные значения признаков связаны с языковой спецификой и отличаются во всех рассмотренных слогах.

Величина изменения длительности на отдельных слогах при изменениях темпа речи обусловлена как семантическими факторами (степень выделенности слова, соответствующая степени его значимости в высказывании), так и позиционными (положением относительно выделенного слога). Минимальные изменения длительности происходят на главноударном слоге фразы — ее семантическом и фонетическом ядре. Более значительным изменениям подвержены другие ударные слоги, при этом в белорусском языке ударные слоги больше изменяются при замедлении темпа, чем при ускорении.

Среди безударных слогов максимальные изменения наблюдаются в русском языке на заударных слогах, хотя и предударные значительно модифицируют свою длительность. В белорусском языке при ускорении темпа речи предударные и заударные слоги сокращаются примерно в равной степени, а при замедлении предударные слоги удлиняются больше, чем ударные.

При изменениях темпа речи в обоих языках максимальным перестройкам подвергаются слоги, наиболее удаленные от ударных: второй предударный и второй заударный.

При замедлении темпа речи во фразах происходит менее последовательная перестройка длительности их сегментов, чем при ускорении тем-

па, и эта закономерность наблюдается в обоих языках, причем для русского языка она выражена более ярко: около 30 % как ударных, так и безударных слогов не подвергаются удлинению, а при наличии удлинения вариативность длительности слога очень высока.

¹ См.: Метлюк А. А. Просодия белорусского языка в условиях двуязычия. Минск, 1982. С. 51.

² См.: Волков А. Г. Пространственно-временная характеристика потока речи // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Самарканд, 1966. Ч. I. С. 68.

В. Е. КВАЧЕК

ПАРАЛЕКСИЯ В УСЛОВИЯХ БЛИЗКОРОДСТВЕННОГО КОНТАКТНОГО БИЛИНГВИЗМА

Длительное контактирование белорусского и русского языков заставляет обратиться к изучению всех сторон двуязычия и, в частности, паралексии, явления своеобразного, лежащего как будто на поверхности языкового взаимодействия, но тем не менее недостаточно изученного. Прежде всего необходимо уточнить объем и содержание самого понятия паралексии. Согласно принятому определению, к паралексам следует относить пары однокорневых слов, имеющие нерегулярные различия в фонетико-морфологическом оформлении при практически совпадающем содержании¹. Необходима детализация понятийных компонентов, входящих в это определение.

Во-первых, что понимать под «практически совпадающим содержанием»? Наверное, следует ожидать, что объемы значений родственных лексем в большинстве случаев полностью не совпадут. Скорее всего обнаружатся различия в одном или нескольких значениях, несовпадения в валентности. Следовательно, при структурном описании паралекс необходимым условием должно быть совпадение их основных лексических значений, т. е. тождество семантической доминанты, периферией же содержательной стороны в данном случае можно пренебречь.

Во-вторых, необходимо раскрыть понятие «однокорневые слова», или «тождество корневой морфемы», применительно к двум близкородственным контактирующим языкам. Естественно, соотносимые единицы должны принадлежать обоим языкам в равной степени. В таком случае единство это может быть установлено лишь при сведении обоих сопоставляемых слов до общевосточнославянского хронологического среза. Слова же, возникшие из одного и того же восточнославянского корня в эпоху раздельного существования языков, могут иметь вполне регулярные различия и поэтому не попасть в разряд паралекс. Ими они станут в том случае, если приобретут при определенных условиях те или иные фонетико-морфологические черты.

В-третьих, остается довольно неопределенным такое фундаментальное понятие паралексии, как нерегулярность различий между сопоставляемыми единицами. Предварительные наблюдения убеждают в изменчивости этой категории. Обратимся к конкретной группе слов. Так, например, соответствие белорусского [ц'] русскому [т'] перед гласными переднего ряда несомненно регулярное. На этом основании соотносимые лексемы *цела* — *тело*, *цiха* — *тихо*, *цесны* — *тесный* и подобные мы не включаем в состав паралекс. Но язык, как известно, система развивающаяся. Возможно, что ранее какое-то соответствие было регулярным, а затем, вследствие утраты части лексики или появления неологизмов, заимствований, стало нерегулярным. В нашем примере большая группа слов, заимствованных обоими языками, получила в указанной позиции различное фонетическое оформление, приведшее к нарушению регулярности [ц'] — [т']. Имеются в виду широко употребительные слова: *тып* — *тип*, *тыран* — *тиран*, *тыф* — *тиф*, <